

США И «НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ФРГ

Н. А. Нарочницкая

XXIV съезд КПСС выработал конструктивную и реалистическую программу урегулирования основных международных проблем, развития взаимовыгодных контактов, мирных, добрососедских отношений стран с различным социальным строем.

Последовательная и принципиальная борьба за претворение в жизнь этой ленинской Программы мира стала мощным фактором оздоровления международного климата: прекращена империалистическая агрессия во Вьетнаме, все более широкое признание получают принципы мирного сосуществования в качестве нормы отношений государств с различным общественным строем, в Европе начался переход к разрядке напряженности. Все это стало возможным благодаря росту сил и могущества СССР, крепнущему единству социалистического содружества и широкому движению народов мира за мир и безопасность.

За короткий период на европейском континенте, который почти четверть века был главной ареной «холодной войны», произошли существенные сдвиги в направлении прочного мира и безопасности. «Важными этапами на этом пути,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— были заключенные за последние годы в Европе договоры между СССР и ФРГ, Польшей и ФРГ, ГДР и ФРГ, социалистической Чехословакией и ФРГ, комплекс соглашений по Западному Берлину»¹. Изменения во внешнеполитическом курсе ФРГ, подтверждение ее правительством нерушимости европейских границ, отказ от применения силы явились признанием мощи Советского Союза, прочности социалистической системы, способствовали ослаблению европейской напряженности. Развитие нормальных отношений между СССР и ФРГ, «реалистическая внешняя политика правительства которой, возглавляемого канцлером Брандтом, оказала значительное влияние на обстановку в Европе»², стало событием большого политического значения.

Укрепление международных позиций социалистических стран, рост авторитета СССР оказывают все возрастающее влияние на развитие международных отношений. В значительной степени возросло воздействие внешней политики Советского Союза и на изменение расстановки классовых сил в капиталистических странах, где заметно усиливается активность народных масс и влияние миролюбивых демократических слоев. «Выступая за международную безопасность и мир, против агрессивных поползновений на независимость и законные права народов,— подчеркивает Л. И. Брежнев,— мы готовы сотрудничать со всеми организациями и партиями, которые действительно стремятся к этим же целям. В частности, на съезде мы вновь подтвердили свое позитивное от-

¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М. 1973, стр. 552.

² Там же, стр. 470.

ношение к возможным совместным действиям на международной арене с социал-демократическими партиями»³.

Поворот обществуности капиталистических стран к реализму в вопросах внешней политики, происходящий под воздействием миролюбивой политики СССР, был ознаменован в 1969 г. поражением на выборах в ФРГ христианских демократов, с правлением которых связаны 20 лет политики непризнания послевоенных реальностей в Европе и подготовки новой войны. Банкротство внешнеполитического курса ХДС — ХСС, угроза неонацистской опасности на почве реваншизма, возведенного в ранг государственной политики, побудили большую часть избирателей ФРГ проголосовать за социал-демократическую партию. В сдвиге западногерманского общественного мнения важную роль сыграла растущая политическая активность трудящихся, заинтересованных в прочном мире и расширении взаимовыгодных контактов с СССР и другими социалистическими странами, последовательная борьба Германской коммунистической партии за отказ ФРГ от реваншистского курса, активная поддержка требований более реалистической политики Объединением западногерманских профсоюзов, насчитывающим 6,5 млн. членов. Победу коалиции СДПГ — СвДП на выборах во многом определила внешнеполитическая платформа этих партий, которая в основном учитывала объективные изменения, происходящие в современном мире.

«Новая восточная политика» стала предметом споров и разногласий не только в ФРГ, где в борьбе против нее объединились оппозиция, шпрингеровская пресса, ультраправые и неонацисты. Эта политика вызвала противоречивую реакцию и в США. «Новый восточный курс» ФРГ повлиял на американско-западногерманские отношения, он оказал также некоторое воздействие на развитие внешнеполитических концепций американского правительства. Поэтому история противоречий между США и ФРГ по поводу «новой восточной политики» представляет особый интерес. Исследование этого вопроса помогает, в частности, оценить взаимодействие развития советско-западногерманских отношений и диалога США — СССР.

Эта связь особенно рельефно прослеживается со времени начала «новой восточной политики» ФРГ (1970 г.) до визита президента США Р. Никсона в СССР в мае 1972 года. Включение США в диалог капиталистических и социалистических стран означало, что разрядка превращается в тенденцию развития международных отношений, и притом не только в Европе, но и в более широких масштабах. Известно, что московская встреча американского президента с советскими руководителями совпала по времени с такой важной вехой «новой восточной политики», как ратификация бундестагом договора ФРГ с Польшей и договора между СССР и ФРГ.

На протяжении всех послевоенных лет Советский Союз последовательно выступал за мир в Европе, за ослабление напряженности и установление взаимовыгодных отношений с европейскими капиталистическими странами на основе безоговорочного признания итогов второй мировой войны и нерушимости европейских границ. В то же время политика США в Европе в течение всего этого периода заключалась в том, чтобы подорвать международные позиции социализма в этом районе мира. В полном соответствии с этим курсом находилась и позиция христианско-демократического правительства ФРГ, которое отказывалось признать итоги второй мировой войны и существование ГДР как независимого социалистического государства.

Курс на возрождение милитаризма в Западной Германии, на военный союз с ФРГ вытекал из общих политических и стратегических установок правящих кругов США, которые стремились к созданию условий

³ Там же, стр. 361.

для проведения политики «с позиции силы» в отношении СССР и осуществления своего эффективного контроля над капиталистическими странами Европы. Сразу после войны США предприняли энергичные усилия, чтобы вовлечь Западную Германию в орбиту своей политики. «Наряду с атомной бомбой Германия с ее возможностями является величайшей военной силой, которую ни в коем случае нельзя упускать из рук»⁴, — говорил Дж. Ф. Даллес. Известный американский исследователь и теоретик международных отношений Г. Моргентхау считал, что «объединенная Германия может дать союзникам решающий перевес для победы в борьбе между Востоком и Западом»⁵. С призывами сделать Германию стержнем американской европейской и глобальной политики выступил автор доктрины «сдерживания» Дж. Кеннан, называвший германский вопрос «ключевой проблемой американской безопасности в буквальном смысле слова»⁶, а также другие политические деятели, специалисты в области международных отношений⁷.

Американо-западногерманское сотрудничество и взаимная поддержка, военно-политический союз США и ФРГ в рамках НАТО длительное время служили и все еще служат одной из важнейших основ системы западноевропейской и глобальной политики США. Исследование взаимоотношений этих двух капиталистических стран занимает важное место в советской историографии. Советские ученые раскрывают суть политики СССР в германском вопросе, направленной на мирное решение германской проблемы в духе Потсдамских соглашений. Такому курсу с самого начала противостояла активная антикоммунистическая и антисоветская линия западных держав, прежде всего США, на которых лежит ответственность за срыв Потсдамских соглашений⁸.

Заклучение в 1949 г. Североатлантического пакта и планы «объединения» Европы, вынашивавшиеся американскими стратегами еще с конца 1945 г., должны были, по замыслу США, превратить Западную Европу в инструмент их глобальной стратегии. Включение ФРГ в НАТО и «объединенную» Западную Европу явилось бы, по мнению творцов послевоенной политики США, наилучшей альтернативой германскому мирному урегулированию. История ремилитаризации ФРГ и объединения западноевропейских стран в единый антисоветский блок под эгидой США рассматривается в ряде работ советских ученых⁹. В основном они

⁴ «The New York Herald Tribune», 8.VIII.1946.

⁵ Н. Morgenthau. Politics among Nations. N. Y. 1949, p. 453.

⁶ G. Kennan. Realities of American Foreign Policy. Princeton. 1954, p. 65.

⁷ См., например, Н. Baldwin. The Great Mistakes of the War. L. 1950; W. Wibur. The Guideposts to the Future. Chicago. 1954; J. Burnham. The Struggle for the World. L. 1950; ejusd. The Coming Defeat of Communism. N. Y. 1950.

⁸ См. А. А. Галкин, Д. Е. Мельников. СССР, западные державы и германский вопрос (1945—1965). М. 1966; В. Н. Высоцкий. Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений. М. 1971; Н. Н. Иноземцев. Американский империализм и германский вопрос. М. 1954; его же. Внешняя политика США в эпоху империализма. М. 1960; В. И. Лан. США в военные и послевоенные годы (1940—1960). М. 1964; П. А. Николаев. Политика Советского Союза в германском вопросе. 1945—1964. М. 1966; его же. Политика США, Англии и Франции в германском вопросе. 1945—1954. М. 1964; «Международные отношения после второй мировой войны». Тт. 1—3. М. 1963—1965.

⁹ П. П. Шапошников. Политика Бонна — угроза безопасности в Европе. Очерк внешней политики ФРГ. М. 1962; Ю. И. Бузыкин. Западноевропейская интеграция на третьем этапе общего кризиса капитализма. М. 1963; Г. М. Свердлов. Лондон и Бонн. Английский империализм и политика перевооружения ФРГ (1955—1963). М. 1963; Л. Г. Истягин. ФРГ и НАТО. М. 1963; «Внешнеполитические проблемы современности». М. 1964; «Движущие силы внешней политики США». М. 1965; В. И. Милокова. Дипломатия реванша (внешняя политика ФРГ в Европе). М. 1965; А. В. Кирсанов. США и Западная Европа. Экономические отношения после второй мировой войны. М. 1967; В. Б. Княжикский. Политическая стратегия антикоммунизма. М. 1969; Н. Н. Софинский. Бонн и Вашингтон. Дипломатическая история ремилитаризации Западной Германии. Европейское оборонительное сообщество и Западноевропейский союз. М. 1969.

концентрировали внимание на тесном сотрудничестве правящих кругов США и ФРГ, а не на их противоречиях. И в определенном смысле это было оправданно.

К концу 50-х годов военный союз Вашингтона и Бонна, а также возрожденная с помощью монополистического капитала США экономическая мощь ФРГ выдвинули ее в число крупнейших стран капиталистического мира. Но, каким бы прочным ни казалось американо-западно-германское сотрудничество, в нем с самого начала было заложено определенное противоречие. Возрождая империалистический потенциал ФРГ, США заведомо шли на то, что со временем Западная Германия не станет мириться со своим зависимым положением. Поддержка Соединенными Штатами воинствующего реваншизма боннских политиков породила у наиболее реакционной части правящих кругов ФРГ неоправданные надежды на поглощение ГДР и ревизию европейских границ. Несбыточность этих надежд рано или поздно должна была привести к разочарованию в способности США удовлетворить такие притязания. С другой стороны, связав себя обязательствами поддерживать внешнеполитический курс Бонна, США сузили возможности собственной внешней политики в Европе. На разных этапах нажим боннских реваншистов сводил на нет попытки некоторых кругов в США и других западных странах проявить реализм в отношении Советского Союза. Боннские реваншисты всячески, например, провоцировали США и западные державы, представленные в Западном Берлине, к авантюристическим действиям во время берлинского кризиса 1961 года ¹⁰.

В американских научных кругах дискуссия о перспективах европейской политики США и американо-западногерманских отношений началась задолго до того, как идеи мирного сосуществования проникли в правительственные сферы. Изменения в военно-стратегической области и рост могущества СССР еще в 50-е годы подвели влиятельную группу авторов к выводу, что «война в современных условиях не может быть средством национальной политики» ¹¹. Дж. Кеннан, Дж. Фрейнд, сенаторы У. Фулбрайт, Г. Хемфри поставили под сомнение целесообразность такого союза США с ФРГ, целью которого была бы подготовка войны против СССР и который, естественно, вызывал ответное наращивание силы против возрождения агрессивной Германии ¹². Появились даже различные планы нейтрализации Центральной Европы. Изучение взглядов известных специалистов и политиков США, выступивших с предложениями, существенно расходившимися с официальным курсом США, представляет значительный интерес ¹³.

Попыткой найти новый подход к отношениям между Западом и Востоком был отмечен последний год президентства Дж. Кеннеди, который начал понимать, что приверженность к доктринам «сдерживания», «отбрасывания» и т. д. исключает возможность проведения практической, перспективной политики. Назвав прежний курс позицией «ожидания и надежд», Кеннеди писал: «Доктрина освобождения представляет фактически политику консервации существующего положения, которая сводит на нет любое обсуждение новых предложений для целого района...» ¹⁴. Кеннеди выдвинул тезис о возможности разрешения германской проблемы только в ходе общего смягчения международной обстановки и улучшения отношений между Востоком и Западом. Правительство

¹⁰ В. Н. Высоцкий. Указ. соч., стр. 230—235.

¹¹ «Harper's Magazine», February 1956, p. 38.

¹² G. Kennan. Russia, Atom and the West. L. 1958; W. Lippman. The Communist World and Ours. N. Y. 1959; G. Freund. Germany between two Worlds. N. Y. 1961; W. Fullbright. Prospects for the West. Cambridge. 1963; «Harper's Magazine», August 1963.

¹³ С. И. Аппатов. Американская историография германской проблемы. М. 1966.

¹⁴ J. F. Kennedy. A Strategy of Peace. N. Y. 1960, p. 85.

Кеннеди понял опасность разделения ядерной ответственности и допуска ФРГ к ядерному оружию и поэтому охладело к проекту многосторонних ядерных сил. Концепция «дифференцированного подхода» к социалистическим странам также вытекала из новой позиции США по германскому вопросу и находилась в противоречии с «доктриной Хальштейна» и тогдашними основами восточной политики Бонна, отрицавшего существование ГДР как суверенного германского государства.

Изменение отношения США к указанным проблемам вызвало целую бурю в ФРГ, правые круги которой выступали против любых переговоров с СССР. Этот этап американско-западногерманских разногласий рассмотрен в работе Ю. М. Мельникова, посвященной внешней политике Кеннеди. «Позиция правительства Аденауэра... — пишет автор, — вызывала растущее раздражение в Вашингтоне. Хотя там продолжали оставаться сторонники... оси между США и ФРГ, тем не менее господствующим настроением становилось желание избавиться от сковывающих объятий западногерманских «друзей» Америки, сильно мешающих как улучшению отношений с СССР, так и общему уменьшению опасности термоядерной войны»¹⁵. Г. Моргентау с сожалением отмечал в тот период, что «американская политика в отношении Советского Союза и стран социализма определяется тем, что приемлемо для реваншистов ФРГ. Бонн решает, как далеко может зайти Вашингтон»¹⁶. Моргентау считал, что США должны осторожно выйти из этого положения.

Однако взгляды Кеннеди расходились с господствующими тогда настроениями не только в ФРГ, но и в США, что и сыграло решающую роль в сохранении преемником Кеннеди Джонсоном в значительной мере прежнего курса. В середине 60-х годов доминировали расчеты на успех политики угроз, на идею многосторонних ядерных сил, а также на «разложение» социалистической системы¹⁷. Тем не менее к концу президентства Джонсона в деятельности его правительства наметилась определенная тенденция к реализму.

Развитию реалистических концепций у части политических деятелей в США и ФРГ способствовало дальнейшее усиление в это время агрессивности наиболее реакционной части западногерманских правящих кругов, выступавших с критикой американской внешней политики справа¹⁸. Бесперспективность «холодной войны» становилась все более очевидной по мере роста мощи СССР, укрепления единства социалистического содружества. Правящие круги империалистических держав начали понимать, что ставка на военное превосходство над Советским Союзом провалилась. Мирные отношения представляли в качестве единственной альтернативы ядерному конфликту.

Одновременно усиление неравномерности развития капиталистических стран привело к резкому обострению экономических, политических и других межимпериалистических противоречий. Падение удельного веса США в экономике капиталистического мира, обострение противоречий между США и «Общим рынком», кризис доллара и общий валютный кризис ослабили мировые позиции капиталистической системы в целом. Изменения в расстановке сил среди капиталистических стран отразились в стремлении западноевропейских государств к более независимой от США внешней политике. Огромный удар престижу Соединенных

¹⁵ Ю. М. Мельников. Внешнеполитические доктрины США. Происхождение и сущность программы «новых рубежей» президента Дж. Кеннеди. М. 1970, стр. 433.

¹⁶ «The New York Times Magazine», 8.IX.1963.

¹⁷ G. Kennan. Policentrism and Western Policy. «Foreign Affairs», January—February 1964.

¹⁸ См. F.-J. Strauss. Entwurf für Europa. Stuttgart. 1966; e j u s d. Herausforderung und Antwort. Ein Programm für Europa. Stuttgart. 1966; W. Brandt. A Policy for Germany. Bonn. 1960; e j u s d. Friedenspolitik in Europa. Bonn. 1969.

Штатов в качестве центра «мировой политики» капиталистического мира нанесло поражение их агрессии во Вьетнаме. Победа героического вьетнамского народа продемонстрировала со всей очевидностью могучую силу социалистической солидарности, выявила огромный рост сил мира и их готовность к борьбе, показала, что мировая ситуация в корне изменилась и что в новой обстановке политика агрессии обречена на провал.

Совокупность указанных факторов подводила США к признанию необходимости мирного сосуществования с Советским Союзом, к корректровке своей глобальной политики, к провозглашению «эры переговоров». На фоне спорадических попыток Вашингтона приспособить свою политику к меняющейся обстановке происходил пересмотр другими ведущими капиталистическими странами их курса по отношению к СССР и социалистическим странам. При этом переоценка обанкротившихся доктрин быстрее привела в этих странах к практическим действиям, что не всегда совпадало с намерениями США и становилось источником новых противоречий. Важную роль в оздоровлении международной обстановки сыграли сдвиги в отношениях СССР и Франции, которые положили начало европейской разрядке.

Кризис «атлантизма» и неспособность завязших во вьетнамской войне Соединенных Штатов выработать новую общую стратегию для своих союзников привели к тому, что под воздействием внешней политики СССР западноевропейские страны сами стали искать в соответствии со своими интересами новые отношения с Востоком. Проявлением этой тенденции и была «новая восточная политика» ФРГ.

В последнее время вышел ряд советских исследований по этим проблемам. В опубликованных работах в основном подчеркиваются межимпериалистические противоречия, связанные с неравномерностью развития капиталистических стран, с усилением конкуренции, со столкновением различных военно-политических доктрин¹⁹. Однако американо-западно-германские разногласия, вызванные начавшимся процессом разрядки напряженности, еще не успели получить достаточного освещения в литературе. Перспективы нормализации обстановки в Европе усилили центробежные тенденции в НАТО. По мнению советских исследователей, осознание в Западной Европе того, что американская глобальная стратегия не отражает полностью национальные интересы стран этого региона, «способствовало тому, что правительство ФРГ пошло на заключение договора с СССР об отказе от применения силы в отношениях между двумя государствами»²⁰.

Расширение контактов между Западом и Востоком в связи с «новой восточной политикой» ФРГ заставило США оказать нажим на ФРГ и других своих европейских союзников с тем, чтобы выработать общую стратегию и регулировать процесс разрядки, смягчить противоречия между США и странами Западной Европы. За противопоставлением «новой восточной политики» ФРГ идее скоординированной «атлантической» стратегии, по мнению ряда специалистов, «лежит реальное и серьезное противоречие в политике современного капитализма...»²¹. Исследование такого рода противоречий весьма важно, так как успех разрядки в меж-

¹⁹ См. «Западная Европа и США. Очерк политических взаимоотношений». М. 1968; И. А. Манфред. Париж — Бонн. М. 1970; «Политическая экономия современного монополистического капитализма». М. 1970; «История внешней политики СССР». Ч. 2-я. 1945—1970. М. 1971; М. М. Максимова. Основные проблемы империалистической интеграции. Экономический аспект. М. 1971; «Военная сила и международные отношения. Военные аспекты внешнеполитических концепций США». М. 1972; И. М. Иванов. Концепция «атлантического сообщества» во внешней политике США. М. 1973.

²⁰ «Военная сила и международные отношения», стр. 198.

²¹ В. И. Гантман. Политика, преобразующая мир. «Коммунист», 1973, № 7, стр. 38.

дународных отношениях в определенной степени зависит и от результатов борьбы различных направлений в определении внешнеполитических концепций капиталистических стран.

Уже в середине 60-х годов было ясно, что союз Бонна и Вашингтона не удовлетворил реваншистских притязаний Западной Германии, а лишь превратил ее, по выражению Г. Киссинджера, в «воинствующую неудовлетворенную державу в центре континента»²². Несмотря на то, что в решении таких проблем, как нераспространение ядерного оружия и ограничение гонки стратегических вооружений, США подошли к мысли о необходимости ослабления напряженности в международной обстановке, состояние «холодной войны» в Европе, а следовательно, и прежний курс в германских делах отвечали стремлению США сохранить «подходящие условия» для укрепления НАТО — главного рычага осуществления их глобальной стратегии. Правящие круги ФРГ постепенно убедились в том, что «Соединенные Штаты скорее предпочитают иметь Западную Германию в качестве одного из столпов Атлантического сообщества в условиях гегемонии Америки, чем риск и неопределенность объединения»²³ (то есть поглощение ГДР Западной Германией).

Многие политические деятели и ученые США с разных позиций критиковали безынициативность американской политики в германских делах²⁴. «Политика США в германском вопросе не изменялась, — комментировал тулук тогдашнего американского курса в Западной Европе Г. Шпейер. — Периодически подтверждались старые... установки. Несмотря на отсутствие конкретных шагов со стороны США, американское правительство дает понять, что любая попытка отстранить США от решения германской проблемы и европеизировать четырехстороннюю ответственность встретит сопротивление». Многих американских политиков беспокоило возможное изменение внешнеполитического курса ФРГ. «Чем меньше надежд на НАТО будет у Западной Германии в вопросах объединения, тем охотнее ФРГ обратится к СССР», — писал тогда же специалист по германским делам Э. Хинтерхофф. По его мнению, США должны были срочно выработать отвечающую их интересам новую платформу в германском вопросе²⁵.

В период правления в ФРГ коалиции ХДС/ХСС — СДПГ (1966—1969 гг.) разрабатывались некоторые планы, призванные придать восточной политике ФРГ большую гибкость. Но, так как они были направлены в основном на разобшение единого фронта социалистических стран и не предполагали безоговорочного признания послевоенных европейских реальностей²⁶, они не имели успеха. В Вашингтоне одобрительно относились к этим проектам, хотя и не придавали им особенно большого значения. Творцы американской внешней политики не ставили на первое место урегулирование собственно европейских дел, которое больше всего интересовало Западную Германию. Президент Р. Никсон, совершая поездку по странам Западной Европы в феврале 1969 г., ограничился в Бонне общими декларациями о связывающих США и ФРГ узах. Когда же во время беседы с Никсоном канцлер Кизингер и министр иностранных дел Брандт предложили президенту включить в планируемые пере-

²² H. Kissinger. *The Necessity for Choice*. N. Y. 1965, p. 139.

²³ R. Barnett, M. Ruskin. *After 20 Years. Alternatives to the Cold War in Europe*. N. Y. 1965, p. 124.

²⁴ G. Ball. *The Discipline of Power*. N. Y. 1968; H. Kissinger. *The Troubled Partnership*. N. Y. 1966; S. Hoffman. *Gulliver's Troubles or the Setting of American Foreign Policy*. N. Y. 1968; C. Landauer. *Germany: Illusions and Dilemmas*. N. Y. 1969; H. Spanier. *American Foreign Policy since World War II*. N. Y. 1968; F. S. Northedge (ed.). *The Foreign Policies of the Powers*. N. Y. 1969.

²⁵ H. Speier. *Force and Folly. Essays on Foreign Affairs and History of Ideas*. Cambridge (Mass.). 1969, p. 123; «Nato's Fifteen Nations», August—September 1969, Vol. 14, № 4.

²⁶ См. «История внешней политики СССР». Ч. 2. 1945—1970, стр. 474—475.

говоры между США и СССР проблемы урегулирования отношений между ФРГ и ГДР и некоторые другие вопросы, это не встретило поддержки американского президента ²⁷.

В связи с приходом к власти в ФРГ коалиции СДПГ и СвДП в октябре 1969 г. в США высказывались предположения относительно вероятности более гибких и настойчивых попыток некоторых кругов в ФРГ добиться разрядки напряженности и примирения со странами Восточной Европы. Американский обозреватель С. Сульцбергер сравнил победу В. Брандта на выборах с приходом к власти де Голля во Франции и заявил о неизбежности новых инициатив в западногерманской внешней политике, безуспешность которой в предшествующий период он объяснял тем, что она явно «предопределялась по отношению к Восточной Европе желаниями Вашингтона, а по отношению к Западной Европе — желаниями Парижа» ²⁸. В целом же, по оценке американских политических кругов, смена власти в ФРГ не предвещала существенного изменения курса Западной Германии в отношении принципов «атлантизма», лежавших в основе европейской политики США. 26 октября 1969 г. «The New York Times» писала, что у западногерманского правительства ничего «нет в программе, что ущемляло бы друзей и союзников Бонна, включая Соединенные Штаты». В Вашингтоне считали, что возможные изменения в восточной политике ФРГ не выйдут за рамки региональных отношений со странами Восточной Европы и будут продолжением попыток, начатых правительством Кизингера — Брандта, улучшить взаимоотношения лишь с некоторыми социалистическими странами, не меняя основного — антисоветского — направления этой политики. Поэтому восточная политика ФРГ, по словам той же газеты, беспокоила американские правящие круги даже меньше, чем западная, — ориентация Западной Германии на «форсированное создание «единой Западной Европы», в которой ведущая роль отводилась бы ФРГ».

Но основанная на непризнании послевоенных европейских реалий политика уже дискредитировала себя. Несостоятельными оказались и расчеты на возможность разбить единый фронт социалистических стран. Бывший министр обороны ФРГ Г. Шмидт признал в предисловии к «Белой книге 1970 года о безопасности Федеративной Республики Германии и положении бундесвера», что «было бы глупо и опасно стремиться вбить клин между странами Варшавского договора» ²⁹. Трезвая оценка прочности социалистической системы и стремление добиться урегулирования германских дел, по мнению Г. Моргентау, подтолкнули боннское правительство к признанию, что «единственная держава, которая может улучшить и обеспечить нормальные отношения ФРГ с ГДР и Западным Берлином, — это Советский Союз» ³⁰.

Визит канцлера ФРГ В. Брандта в СССР летом 1970 г. явился важной вехой в становлении добрососедских отношений между Западной Германией и Советским Союзом, а также свидетельствовал о серьезном намерении правительства ФРГ пойти на некоторые принципиальные изменения основ своей восточной политики. Подтверждение принципа нерушимости европейских границ, отказ от применения силы в отношениях с СССР были, как известно, зафиксированы в Московском договоре между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 года. Эти принципы стали «новым» в восточной политике ФРГ.

Такой сдвиг выходил по своему значению за рамки «региональных восточноевропейских» отношений. «Новая восточная политика» ФРГ

²⁷ «Die Rheinische Post», 27.II.1969.

²⁸ «International Herald Tribune», 22.X.1969.

²⁹ «Weissbuch 1970. Über die Sicherheit der Bundesrepublik und über die Lage der Bundeswehr». Bonn. 1970, S. 22.

³⁰ H. Morgenthau. Changes and Chances of American-Soviet Relation. «Foreign Affairs», April 1971, p. 438.

оказала воздействие на характер отношений остальных капиталистических стран с Советским Союзом и мировой социалистической системой, затронула западноевропейские взаимоотношения, НАТО и американско-западногерманский союз. Официальные круги США вынуждены были на словах одобрить начинания правительства ФРГ, которые способствовали разрядке международной напряженности на европейском континенте. Дело в том, что никакой альтернативы мирному сосуществованию, предложенному Советским Союзом, американская политика была не в состоянии провозгласить. Но, как признавала «The Chicago Sun Times» в номере от 12 декабря 1970 г., «договоры Брандта вызвали сильное раздражение Вашингтона». Хотя после подписания договора между СССР и ФРГ американская пресса и выразила опасения правящих кругов США относительно возможного падения влияния Соединенных Штатов на европейские дела ³¹, официальные лица в Вашингтоне предпочитали открыто об этом не говорить.

Европейский континент остается сферой наибольшей политической и экономической активности США, и стратегическое значение его в глобальных американских планах по-прежнему расценивается как первостепенное. Президент Р. Никсон неоднократно подчеркивал особую роль взаимоотношений США со странами этого региона, указывая, что безопасность Европы по-прежнему рассматривается им как безопасность США ³². Одной из важнейших составных частей американской внешнеполитической стратегии является «атлантическая» политика, упрочение связей с европейскими союзниками, консолидация НАТО. Именно в районе Атлантики, по словам Г. Киссинджера, будет в конечном итоге определяться «успех или поражение США на мировой арене» ³³. Важную роль отводят американские политики своим войскам в Европе, призванным, по выражению С. Сульцбергера, «охранять величайшую в истории концентрацию американских деловых интересов за границей» ³⁴. В то же время растущая мощь и влияние СССР и мировой системы социализма, ослабление доминирующего положения США в капиталистическом мире, обострение межимпериалистических противоречий, выражавшееся, в частности, в нежелании западноевропейских стран мириться с прежним положением в НАТО, усилили в США тенденцию к налаживанию американско-советских отношений. Удельный вес их во внешней политике США по сравнению с «атлантизмом» начинает расти.

Однако определенные круги в США отрицательно относятся к развитию отношений между СССР и другими капиталистическими державами. Важнейшей задачей НАТО эти круги считали выработку общего «атлантического» подхода к взаимоотношениям с СССР, что, по существу, обеспечивало американский контроль над этими отношениями.

Но уже внешняя политика де Голля разбила «атлантические» рамки общей стратегии союзников. «Новая восточная политика» ФРГ свидетельствовала о еще большем ослаблении влияния США на взаимоотношения их партнеров с СССР. Настойчивость и темпы этой политики выдвигали на первый план вопросы европейского урегулирования, а Соединенные Штаты в течение длительного времени (до середины 1972 г.) противодействовали идее созыва европейского совещания по безопасности. В новых условиях, стремясь к сохранению своей гегемонии, США делают главный упор на укрепление единства стран НАТО как необходимого условия для «обеспечения устойчивости в глобальном противостоянии социализму» ³⁵. Отсюда и заявление американских газет относи-

³¹ См., например, «United States News and World Report», 24.VIII.1970.

³² «The Department of State Bulletin», 28.IV.1969, p. 351.

³³ «The United States and the Atlantic Community». L. 1967, p. 15.

³⁴ «The New York Times», 24.IV.1970.

³⁵ «Военная сила и международные отношения», стр. 172.

тельно «излишней переориентации» ФРГ, якобы подрывающей Североатлантический блок и расшатывающей политическую основу союза Бонна и Вашингтона.

Многих американских противников разрядки международной напряженности явно тревожило то, что «новая восточная политика» ФРГ способствовала созданию такого политического климата в Европе, который ослаблял положение США как лидера капиталистического мира. Поворот к ослаблению европейской напряженности, писал 24 августа 1970 г. журнал «United States News and World Report», ставит под сомнение «необходимость для США осуществлять защиту Европы от коммунистической угрозы теперь, когда старые враги налаживают дружеские отношения». Вот почему бывший посол США в ФРГ К. Раш, выступая перед комиссией по иностранным делам палаты представителей 8 апреля 1970 г., подчеркнул особенную заинтересованность США в сохранении военной силы на континенте с тем, чтобы в условиях намечающегося поворота в восточной политике ФРГ иметь соответствующий инструмент воздействия на этого партнера и сохранить, таким образом, противовес СССР в Европе. «Мы служим при этом своим собственным интересам,— указывал К. Раш.—Первостепенная американская цель в Европе — это ... препятствовать тому, чтобы Советский Союз мог оказывать определяющее влияние на людской и материальный потенциал Европы»³⁶.

Усиление центробежных тенденций в атлантическом сообществе заставляет США искать способы сплочения западноевропейских стран, стремиться с помощью НАТО разрешить и приглушить противоречия с партнерами и в других областях — экономической, валютной. В преддверии американско-советских переговоров об ограничении стратегических вооружений США стремились произвести обновление НАТО без упора на избитые лозунги об агрессивности СССР. Так, выступая на юбилейной сессии НАТО в Брюсселе в апреле 1969 г., Никсон сказал, что «НАТО должна приспособиться к новым условиям, необходимым для успеха. Поскольку страх нас сейчас уже не так сплывает, как прежде, мы должны находить новые узы, чтобы сохранить наше единство»³⁷. Давление США на своих партнеров по Североатлантическому союзу с целью добиться от них увеличения вклада в его укрепление находилось в явном противоречии с процессом разрядки напряженности³⁸.

С началом «новой восточной политики» ФРГ усилился нажим на правительство США группы сенаторов во главе с М. Мэнсфилдом, требовавших сократить военные обязательства США Западной Европе и вывести оттуда часть американских войск. В начале 1970 г. министр обороны США М. Лэйрд даже сделал предложение о десятипроцентном сокращении войск, которое было отвергнуто Никсоном как «несвоевременное». Перечисляя возможные отрицательные последствия сокращения американского военного присутствия в Европе, бывший заместитель государственного секретаря США Э. Ричардсон указал на его «дестабилизирующий эффект» с точки зрения соотношения сил с СССР³⁹. Ряд западногерманских газет расценил решение США сохранить прежнюю численность американских солдат на Европейском континенте как «предостережение не только Советскому Союзу, но и партнерам США»⁴⁰.

Осенью 1970 г. и весной 1971 г. США оказывали давление на ФРГ и других своих союзников в связи с развитием «новой восточной политики» ФРГ, контактов между Западной и Восточной Европой, ростом попу-

³⁶ «Europa — Archiv», 1970, № 13, S. 307.

³⁷ «The Department of State Bulletin», 28.IV.1969, p. 352.

³⁸ См. А. Е. Ефремов. США и НАТО: перед лицом реальностей. «США: экономика, политика, идеология», 1973, № 3.

³⁹ «The Department of State Bulletin», 9.II.1970, p. 156.

⁴⁰ «Frankfurter Allgemeine», 23.XII.1970.

лярности идеи европейской безопасности. Против расширения отношений с Советским Союзом выступило тогда и правительство Англии, несмотря на формальные заявления о поддержке «новой восточной политики» ФРГ. 13 декабря 1970 г. Сульцбергер писал в газете «The New York Times», что «с одобрения Вашингтона Лондон тормозит движение по пути к европейской безопасности». Разногласия между США и ФРГ английские политические деятели стремились использовать для укрепления «особых отношений» с США и для возрождения ведущей роли Великобритании в «проатлантической сильной» Западной Европе. Хотя в интервью еженедельнику «United States News and World Report» 21 декабря 1970 г. Э. Хит заверял, что сделает все, «что в его силах, чтобы строить на том фундаменте, который был успешно заложен канцлером Брандтом», вопрос о взаимоотношениях между Западом и Востоком он предлагал рассматривать прежде всего «в плане твердой демонстрации решимости». Во время своего визита в Вашингтон в декабре 1970 г. британский премьер-министр подчеркивал, что Англия, как никакая другая страна, поддерживает НАТО⁴¹.

В это время Никсон призвал партнеров США по военным союзам стремиться к достижению взаимопонимания, прежде чем проводить самостоятельные и коллективные дипломатические акции и оценивать направление дальнейшего развития отношений между Западом и Востоком. Одновременно американские политики обосновывали необходимость сохранения военного присутствия США в Европе и призывали союзников по НАТО увеличить свои военные расходы, а также развивать национальные вооружения, «которые вместе с американскими требуются для проведения эффективной общей стратегии». На сессии совета НАТО и заседании Североатлантической ассамблеи осенью 1970 г. главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО американский генерал Гудпейстер и генеральный секретарь НАТО М. Брозио выражали обеспокоенность попытками создать «такую систему безопасности, которая исключила бы из Европы североамериканские страны», то есть в первую очередь США⁴². «Многие европейцы... считают, что через два-три года военное присутствие США в Европе будет лишь символическим», — говорил М. Брозио. Точку зрения правящих кругов США выразил один из противников «новой восточной политики» ФРГ, бывший верховный комиссар США в Германии Дж. Маккллой, заявивший, что американцы решительно против символического присутствия⁴³. Бывший министр обороны ФРГ Г. Шмидт признал в интервью журналу «Der Spiegel» от 28 декабря 1970 г., что он получил «выговор» от М. Лэйрда. «Лэйрд отчитал меня за темпы. Никсону трудно привыкнуть к изменившейся обстановке в Бонне. Раньше здесь было принято, чтобы немецкий отдел в государственном департаменте давал боннскому министерству иностранных дел точные указания, которые, как правило, выполнялись».

Для того, чтобы сохранить не «символическое», а реальное присутствие в Западной Европе, которая должна оставаться «выгодным тылом для справедливой сделки» (между США и СССР)⁴⁴, американским политикам пришлось на Брюссельской сессии совета НАТО вытащить старые лозунги «красной опасности». США убеждали своих партнеров, что «разделение ответственности» «показало бы России и другим странам Варшавского пакта, что западноевропейские страны готовы использовать более значительную часть своих людских ресурсов и денег на собственную оборону. Это продемонстрировало бы значительно большую ре-

⁴¹ «The Financial Times», 19.XII.1970; «The New York Times», 13.XII.1970; см. также С. Мадзоевский. Эволюция глобальной стратегии Лондона. «МЭ и МО», 1973, № 6.

⁴² «The Department of State Bulletin», 22.III.1971, pp. 353—356; «Kissing's Contemporary Archives 1969—1970», p. 24351.

⁴³ «Time», 30.XI.1970; «The Washington Post», 26.I.1970.

⁴⁴ «The Department of State Bulletin», 9.II.1970, pp. 156—157.

шимость противостоять агрессии (?), чем та, которую до сих пор показывала Западная Европа, когда речь заходила о ее собственных усилиях. Комментируя явное несоответствие подобной позиции с процессом ослабления напряженности, «Chicago Sun Times» отмечала: «Не мифической советской угрозой, а стремлением и впредь диктовать своим союзникам, какую политику они должны проводить, было вызвано ужесточение курса США в Европе на последней сессии»⁴⁵.

Добиваясь от западноевропейских союзников увеличения военных расходов, США в первую очередь рассчитывают на ФРГ — самую сильную в экономическом отношении страну Западной Европы. Позиция правящих кругов ФРГ имеет нюансы, которые США используют в своих интересах. Во-первых, еще очень значительная часть западногерманских политических кругов по-прежнему стремится к проведению в отношении СССР и социалистических стран курса с «позиции силы». Летом 1970 г. генерал Шпейдель призвал прекратить разговоры о выводе американских войск, ибо это приведет к развалу НАТО и, «несомненно, создаст положение, чреватое огромной опасностью для независимой Европы». Шпейдель заявил также, что «ядерная угроза остается составной частью стратегии НАТО»⁴⁶. Христианско-демократическая оппозиция в бундестаге не раз упрекала Брандта в стремлении ослабить Западную Европу. Между тем правительство Брандта—Шеееля всегда подчеркивало, что политика разрядки, которую оно начало проводить, основывается на прочных связях ФРГ с сильной НАТО. Творцы «новой восточной политики» предпочитают увеличение финансового вклада в НАТО замене американских войск солдатами бундесвера. Соглашаясь на требования США увеличить расходы на содержание НАТО, правительство ФРГ снимает и обвинение оппозиции в «пособничестве развалу Североатлантического блока».

Используя различные соображения западногерманских политических кругов, США сумели убедить своих партнеров в декабре 1970 г. принять программу «улучшения европейской обороны», опираясь на новую коалицию — «европеистов, желавших с сильных позиций обратиться с инициативами к Востоку, и «атлантистов», обязавшихся во что бы то ни стало сохранить НАТО сильной, но по другим мотивам»⁴⁷. По оценке «The Washington Post» 26 января 1970 г., «невывысказанными, но совершенно очевидными в аргументах были опасения уменьшения американского влияния в связи с перспективами вывода войск». «Просительная позиция» США на двусторонней конференции по вопросам финансирования НАТО в январе 1970 г. позволила этой газете сделать вывод, что «прежний неравный диалог между Бонном и Вашингтоном закончился и две сильнейшие державы НАТО встретились на новой основе». Разумеется, укрепление позиций ФРГ, несущей основное после США бремя военных расходов по НАТО, не вызвало восторга в американских правящих кругах.

Западногерманские политики не скрывают, что стремятся к упрочению своего положения в «атлантическом сообществе», чему, в частности, служит и «новая восточная политика» ФРГ. В статье «Германская западная политика», опубликованной в апрельском номере журнала «Foreign Affairs» за 1972 г., В. Брандт высказал мысль о важности для Западной Европы и ФРГ более независимого от США положения при сохранении тесных взаимосвязей, определяемых давними историческими контактами, и показал, что это возможно только в условиях международной разрядки. В обстановке напряженности и балансирования на грани войны, подчеркивает Брандт, Западная Европа больше зависит от

⁴⁵ «Chicago Sun Times», 12.XII.1970.

⁴⁶ «Revue militaire générale», juillet 1970, p. 181.

⁴⁷ «The Washington Post», 25.I.1970.

США, так как ее военная сила несравнима с мощью Соединенных Штатов и Советского Союза. В условиях же более прочного мира, когда «фактор безопасности не затмевает все остальное», на первый план выступают факторы экономической мощи. Интегрированная и политически объединенная Западная Европа, в которой ФРГ будет иметь сильнейшие позиции, рассматривается Брандтом как третий мировой центр силы, что позволит ей перейти к более равноправным отношениям с Соединенными Штатами. Поскольку, продолжает В. Брандт, «уменьшается риск войны между Америкой и Советским Союзом, есть возможность развития некоторого соперничества между Соединенными Штатами и Западной Европой, которое заинтересованные стороны не должны рассматривать как угрозу своей безопасности... Это не значит, что мы должны пренебрегать опасностью, заключающейся в невозможности провести четкую грань между экономикой и политикой».

Перед нами очевидное доказательство противоречий между сильнейшими капиталистическими странами. Усиление ФРГ, расширившей горизонты своей внешней политики, ранее искусственно ограничивавшиеся «доктриной Хальштейна», является потенциальным источником ее все более самостоятельной внешней политики. Как пишет американский исследователь Л. Уэттен, «новая восточная политика» ФРГ утверждает политический вес Западной Германии в соответствии с ее «экономическим положением 3—4-й державы мира»⁴⁸. Теперь, когда внешняя политика ФРГ в определенной мере освободилась от нереальных установок, возможности давления США на Западную Германию несколько сужаются. Это вызывает беспокойство и у западноевропейских партнеров ФРГ. И английские и американские военные и политические круги ревниво следят за шагами правительства Брандта, боясь, что оно может зайти в своей «новой восточной политике» дальше, чем им бы хотелось.

Следует иметь в виду, что Западной Германии по-прежнему отводится ведущая роль в европейской и глобальной стратегии США. К. Раш считает, что «в настоящее время Германия (здесь и дальше имеется в виду ФРГ.— Н. Н.)... является гирькой на весах европейского соотношения сил. До тех пор, пока Германия придерживается нашей стороны, и остальные страны Западной Европы будут ее придерживаться. Повернется Германия к другой стороне, экономический потенциал Европы может измениться в пользу СССР,— весьма категорично предостерегает К. Раш, ратующий за сохранение ФРГ в качестве острия Североатлантического блока.— Центральным фактором, определяющим текущую и будущую политику Германии, будет оценка ведущими германскими политиками уровня советской и американской мощи и интересов»⁴⁹. Ряд американских сенаторов высказал даже опасения, что экономические связи ФРГ и других западноевропейских стран с государствами Восточной Европы и СССР, развиваясь, приведут к политическому сотрудничеству, и все это постепенно оторвет Западную Европу от США⁵⁰. Активное налаживание отношений с СССР и результаты этой политики, в частности подписание договора между ФРГ и СССР, рассматривались в США как попытка Западной Германии захватить инициативу в развитии отношений между Западом и Востоком. Еще будучи министром иностранных дел в правительстве Кизингера, В. Брандт заявил, что «в течение веков Германия играла роль моста, соединяющего Западную и Восточную Европу. Мы будем стараться восстановить взорванный мост»⁵¹.

⁴⁸ «Orbis», 1971, № 3, Vol. XV, p. 862.

⁴⁹ «Europa — Archiv», 1970, № 13, S. 302.

⁵⁰ «Congressional Record», Vol. 117, Part 1, pp. 396—397.

⁵¹ W. B r a n d t. Aussenpolitik, Deutschlandpolitik, Europapolitik. Grundsätzliche Erklärungen während des erstern Jahres im Auswärtigen Amt. Bonn. 1968, S. 25.

Многие американские политики часто подчеркивали, что возможности маневрирования и выбора стратегии США по отношению к социалистическим странам были в течение длительного времени ограничены стеснительными обязательствами, данными Западной Германией. Признавая незыблемость европейских границ, отказываясь от реваншистских притязаний и от «доктрины Хальштейна», правительство ФРГ снимает с США эти обязательства и, как пишет профессор Калифорнийского университета К. Лэндауэр, «освобождает Вашингтон от дилеммы — продолжать ли заведомо бесперспективный курс или осложнять отношения со своим самым сильным союзником»⁵². Часть правящих кругов США положительно отнеслась к возможности развития отношений с социалистическими странами и Советским Союзом. Контакты со странами Восточной Европы были предусмотрены еще концепцией «наведения мостов», и отмена «доктрины Хальштейна» в принципе не вызвала возражений у американских политиков, так как одно только это изменение в восточной политике ФРГ не выходило за рамки региональных отношений. В своем внешнеполитическом послании 25 февраля 1971 г. Никсон даже рекомендовал союзникам США «втягивать... противников в переговоры по конкретным вопросам, разъединяющим Европу», в то же время требуя согласовывать все шаги, которые имеют принципиальное значение для взаимоотношения систем⁵³. Комментируя выгодные для США стороны ослабления напряженности в Европе на основе признания послевоенных границ, Л. Уэттен пишет, что «новая восточная политика» ФРГ ликвидировала в сознании социалистических стран «пугало Западной Германии, и теперь страны Восточной Европы смогут проводить более гибкую и перспективную с точки зрения отношений с Западом политику»⁵⁴.

За увеличение контактов со странами Восточной Европы выступили многие американские политические деятели. В начале 1971 г. помощник государственного секретаря по экономическим делам Ф. Тризайз указал на то, что после заключения договоров СССР и ПНР с ФРГ «было бы в собственных интересах США, а также в интересах восточноевропейских стран расширить торговлю и контакты». Пересмотра экономической политики США в отношении Восточной Европы потребовал У. М. Блументаль, президент «Бендикс-корпорэйшн», представлявший США в переговорах «раунда Кеннеди»: «Современная политика США значительно страдает от неумолимого смешивания идеологии с анализом выгоды и от того, что бюрократическая косность и трусость ограничивают следование нашим национальным интересам»⁵⁵. По мнению влиятельной части американских политических и экономических кругов, отставание США в развитии деловых отношений с восточноевропейскими странами и СССР крайне невыгодно. «Отношения с коммунистическим миром сейчас быстро развиваются, — говорилось в докладе комиссии П. Питерсона по вопросам торговли и экономических соглашениях с СССР. — Соединенным Штатам предстоит долгий путь, чтобы сравняться с уровнем торговли между Восточной и Западной Европой»⁵⁶.

Многие американские политики высказывали тревогу, как бы «новая восточная политика» не позволила ФРГ намного обогнать США в развитии отношений с СССР и социалистической системой. Поэтому они хотели бы, чтобы правительство Западной Германии согласовывало свою восточную политику с Соединенными Штатами. «Мирная политика Брандта возможна только при американском участии», — писал вскоре

⁵² «The New Leader», 8.VI.1970.

⁵³ «The Department of State Bulletin», 22.III.1971, pp. 352—356.

⁵⁴ «Orbis», 1971, № 3, Vol. XV, p. 864.

⁵⁵ «Congressional Record», Vol. 117, Part 1, pp. 387—389.

⁵⁶ «Perspectives of Foreign Economy», Washington, 1971, p. 28.

после подписания польско-западногерманского договора журнал «Fortune»⁵⁷.

Разрядка напряженности между сильнейшей опорой США в НАТО — ФРГ и крупнейшей и самой могущественной социалистической державой — СССР имела глобальное значение. И в этой области Соединенные Штаты стремились сохранить за собой определяющую роль. Г. Шмидт прямо указал в интервью журналу «Der Spiegel» 28 декабря 1970 г. на то, что «в отношениях с Советским Союзом США претендуют на своего рода приоритет перед нами». Западногерманский исследователь К. Шеенталь отмечал в этой связи, что различия в очередности первостепенных задач внешней политики США (переговоры с Советским Союзом об ограничении стратегических вооружений) и ФРГ (заключение договоров с СССР и ПНР на основе признания границ и неприменения силы) неизбежно приведут к разногласиям и некоторому обострению противоречий между партнерами по НАТО⁵⁸.

В течение первого года проведения Брандтом его нового курса такого рода соображения высказывались довольно часто. В тот период США особенно настойчиво тормозили процесс разрядки напряженности в Европе, выступали против идеи созыва совещания по европейской безопасности⁵⁹. Летом и осенью 1970 г. в Вашингтоне озабоченно встречали каждый новый шаг правительства ФРГ, боясь, что Брандт сделает слишком много уступок. Именно в этот период апологеты «холодной войны» Дж. Макклой, Д. Ачесон, Т. Дьюи выражали свою озабоченность развитием разрядки напряженности в Европе, а Д. Ачесон даже призывал немедленно остановить «бешеный бег Брандта в Москву»⁶⁰. Политические круги ФРГ вполне осознавали размеры этого недовольства. Несмотря на утверждения Роджерса о том, что слова Ачесона не следует принимать за мнение государственного департамента США, боннские официальные лица признавали, что рассматривают эти слова как отражение настроения и официальных американских сфер⁶¹.

Комментируя состояние взаимоотношений США и ФРГ, западногерманская пресса часто проводила параллель с последними годами пребывания у власти в Бонне К. Аденауэра, который с глубоким недоверием следил за попытками США в некоторой степени улучшить свои отношения с Советским Союзом. Старого канцлера «мучил кошмар» при мысли, что взаимопонимание между двумя великими державами могло быть достигнуто через голову немцев. «Стороны поменялись местами, — не без ехидства замечала «Die Rheinische Post» 20 декабря 1970 года. — Теперь Бонн проводит рискованный зондаж в направлении Востока, а Вашингтон находится в положении озадаченного наблюдателя. Правда, официально по обе стороны Атлантики отрицается наличие опасений...». На деле же под маской единодушия скрывались значительные расхождения, взаимное недовольство и недоверие. Об этом со ссылками на важное боннское официальное лицо сообщили в редакционных статьях некоторые американские газеты⁶². Тогда последовал «молниеносный визит» министра ведомства федерального канцлера Х. Эмке в Вашингтон, где он имел беседы с Г. Киссинджером, М. Хилленбрандом и Х. Зонненфельдтом. Официальные представители США и ФРГ выступили с опровержениями «слухов» о противоречиях между этими странами и отрицали связь визита Эмке с опубликованием указанных материалов.

⁵⁷ «Fortune», January 1971, p. 113.

⁵⁸ «Aussenpolitik», 1970, № 4, S. 222—223.

⁵⁹ В. Шахов. СССР в борьбе за безопасность Европы. «Международная жизнь», 1971, № 4.

⁶⁰ «Congressional Record», Vol. 117, №№ 1—4; «The International Herald Tribune», 11.XII.1970.

⁶¹ «The International Herald Tribune», 21.XII.1970.

⁶² Ibid.; «The New York Times», 22.XII.1970.

«В Вашингтоне считают, что, хотя внешнеполитическая инициатива ФРГ и не обязана быть подчинена высоким интересам США,— комментировала сдержанность американского правительства «Frankfurter Allgemeine» от 25 декабря 1970 г.,—желательно все же лучше координировать действия».

С конца 1970 г. и до середины 1972 г. во всех официальных оценках США чувствовалось стремление выждать и не допустить появления в мировом общественном мнении впечатления, что в результате договоров СССР и ПНР с ФРГ, якобы не имеющих особого содержания, отношения между Востоком и Западом действительно значительно улучшились. «Фальшивое добродушие может привести новое поколение немцев либо к отказу от усилий по организации эффективной обороны Запада, либо, что еще серьезнее, к дипломатическим авантюрам с Советским Союзом, которые могли бы ослабить твердые связи Германии с Западом»⁶³,—предостерегал Дж. Болл, заместитель государственного секретаря в правительствах Кеннеди и Джонсона. Такая сдержанная позиция американских правящих кругов в отношении «новой восточной политики» ФРГ привела к тому, что, подводя итоги 1970 г., «Christian Science Monitor» писала 30 декабря 1970 г.: «В Европе бросается в глаза то обстоятельство, что отношения между США и их европейскими союзниками сейчас более напряженные, чем это было в течение многих лет. Озлобление, взаимная отчужденность заметны, в частности, между Вашингтоном и Бонном». Христианско-демократическая оппозиция в бундестаге не раз пыталась запугать Брандта прохладным отношением США к его курсу. Как писала одна из западногерманских газет, ФРГ приветствовала бы «несколько более решительное политическое участие США в смысле ясного выражения американской заинтересованности»⁶⁴. Но Брандту практически не удалось тогда добиться такого шага от Вашингтона. Позицию последнего хорошо выразил Дж. Болл. Отвечая на вопрос корреспондента Ассошиэйтед Пресс, не противоречит ли американская поддержка политики Брандта интересам США, он поспешил подчеркнуть, что это даже не поддержка, а лишь «благожелательное невмешательство»⁶⁵.

Разногласия между США и ФРГ по вопросу о «новой восточной политике» сохраняли свою остроту в значительной мере и в 1971 году. Используя западноберлинскую проблему, США оказывали давление на Западную Германию с целью осложнить дальнейшие ее шаги по нормализации отношений со странами Восточной Европы. На Лиссабонской сессии совета НАТО в июне 1971 г. американские и английские политики оказали сильный нажим на представителей ФРГ и Франции, выступивших за созыв совещания по европейской безопасности, и убедили их отложить вопрос о согласии стран НАТО на участие в нем до окончательных результатов переговоров по западноберлинскому вопросу. Соединенные Штаты, хотя и включались постепенно в обсуждение европейских проблем, но по-прежнему стремились связать их решение со своими глобальными планами. Рекомендация совета при президенте по внешнеэкономической политике расширить торговлю с Востоком натолкнулась на мнение Никсона и Киссинджера о том, что следует повременить с развитием экономических связей до того, как определится договоренность с СССР по другим вопросам. В докладе Никсона конгрессу 9 февраля 1972 г. также нашла отражение заинтересованность США в замедлении темпов европейской разрядки, развивавшейся в основном в форме двусторонних контактов⁶⁶.

⁶³ «The New York Times», 29.XII.1970.

⁶⁴ «Die Rheinische Post», 20.XII.1970.

⁶⁵ «The New York Times», 29.XII.1970.

⁶⁶ «Congressional Record». Vol. 117, Part 1, p. 396; «United States Foreign Policy for the 1970-s. The Emerging Structure of Peace». A Report by President Nixon to the Congress. 9.II.1972.

Стремление США совместить тенденцию к взаимопониманию в ряде важных аспектов американско-советских отношений с сохранением известной напряженности между НАТО и социалистическими странами наталкивалось на последовательную позицию СССР, выступающего за разрядку во всех регионах мира и во всех важных для человечества сферах. Противодействие практическим шагам по достижению европейской безопасности омрачало перспективы американско-советских переговоров по интересующим США проблемам. Миротворческая внешняя политика СССР сыграла решающую роль в известной эволюции позиции Соединенных Штатов по европейским вопросам. Определенная роль в переоценке ценностей американским правительством принадлежит и «новой восточной политике» ФРГ. С постепенной активизацией американско-советского диалога рос интерес США к участию и в европейских делах. Необратимость исторического процесса превратила «новый восточный курс» ФРГ в политическую реальность, не замечать которую Соединенные Штаты не могли. Быстрый темп политических перемен выдвинул на первый план в перечне американских внешнеполитических задач и собственно европейские проблемы. В подходе американских политиков к проблемам европейской безопасности и сотрудничества «новая восточная политика» ФРГ давала Соединенным Штатам солидную базу для развития контактов со странами социализма в Европе и побуждала торопиться. На главные результаты этого курса, прежде всего на договор ФРГ — СССР, США могли опираться в поисках новых отношений с Советским Союзом.

Так политические изменения в Европе сделали возможным достижение взаимоприемлемого соглашения по Западному Берлину, что существенно способствовало смягчению напряженности в этом районе и уменьшило опасность возникновения кризисов и очага войны в Европе. США не скрывали своей заинтересованности в четырехстороннем соглашении по Западному Берлину, а У. Роджерс даже назвал его одним из важнейших достижений правительства Никсона. Сохранение четырехсторонней ответственности подтверждало право США как одной из великих держав участвовать в решении важнейших европейских дел и было, по мнению американских политиков, важным для доверительных отношений между ФРГ и США. Соглашение по Западному Берлину существенно оздоровило обстановку в центре Европы, в нем был дан недвусмысленный отпор притязаниям некоторых реваншистских кругов ФРГ на Западный Берлин, что вызвало яростные нападки на четырехстороннее соглашение реакционных деятелей как Западной Германии⁶⁷, так и США.

Добиваясь взаимоприемлемого соглашения по Западному Берлину, США уже в какой-то степени делали ставку на новые реальности в Европе, ибо заключительный протокол четырехстороннего соглашения должен был быть подписан одновременно с ратификацией договоров ФРГ с Советским Союзом и ПНР. В прямой зависимости от успешного прохождения договоров в бундестаге и вступления в силу соглашения по Западному Берлину находилась позиция США и НАТО по вопросу о союзе европейского совещания.

Такое переплетение интересов было тесно связано с американско-советским диалогом, тематика которого значительно расширялась в ходе важных перемен в Европе. Венцом этого диалога в 1972 г. стал визит президента Никсона в Москву, который совпал с прохождением в бундестаге договоров ФРГ с Советским Союзом и ПНР. Противоречивость американских интересов наложила отпечаток и на сложное отношение Вашингтона к ходу обсуждения договоров в бундестаге. Это обстоятель-

⁶⁷ Сейчас, когда ГДР получила полное дипломатическое признание и два равноправных германских государства приняты в ООН, реваншистские круги ФРГ пытаются представить сохранение четырехсторонней ответственности в качестве символа «нерешенности» проблемы.

ство учитывали боннские политики. Понимая, что США уже освобождены от «сковывающих вето» в отношениях с социалистическими странами и будут развивать диалог с СССР, правительство ФРГ стремилось к закреплению того, что было им достигнуто в результате осуществления «новой восточной политики». Когда корреспондент журнала «Stern» задал В. Брандту вопрос относительно возможности для США и СССР прийти к договоренности «через голову ФРГ» в случае отказа Западной Германии от пути разрядки международной напряженности, федеральный канцлер отметил преувеличение такой возможности. В то же время он все же добавил, что «иногда следует в какой-то мере прибегнуть к преувеличению, чтобы сделать вещи более ясными... Двое великих и без нас будут стараться прийти к новым отношениям. «Без нас» позднее может даже означать «через нашу голову» и «против нас»⁶⁸.

В целом США желали ратификации договоров ФРГ с Советским Союзом и ПНР, так как провал ратификации сорвал бы вступление в силу соглашения по Западному Берлину, в котором американское правительство видело положительное начало для будущей политики. Наиболее дальновидная часть политических кругов США справедливо считала, что неодобрение договоров бундестагом поставило бы под сомнение заинтересованность Советского Союза в плодотворных переговорах с Соединенными Штатами в изменившейся ситуации и угрожало успеху визита Никсона в Москву; у США сильно уменьшилась бы возможность договориваться с СССР о взаимном сокращении вооружений, что обострило бы еще больше стоящие перед американским правительством проблемы. Некоторые видные американские политические деятели даже обвиняли правительство в недостаточном использовании своего влияния для всесторонней поддержки Брандта во время подготовки ратификации договоров. «Если Западная Германия не ослабит напряженность посредством ратификации договоров, — заявил А. Гарриман, — это приведет к увеличению поддержки в конгрессе поправки Мэнсфилда, требующей одностороннего вывода больших частей американских войск из Европы, а это неразумный путь...». Гарриман призвал американское правительство оказывать «осторожный, но решительный нажим на христианских демократов и показать озабоченность их оппозицией договорам»⁶⁹. Американская пресса почти единодушно приветствовала ратификацию бундестагом договоров ФРГ с Советским Союзом и ПНР. В то же время чувствовалось нежелание правительства США давать какие-либо оценки до исхода американо-советских переговоров. У. Роджерс выступил с комментарием только через два дня и указал лишь на значение ратификации для вступления в силу четырехстороннего соглашения по Западному Берлину.

Майская встреча Р. Никсона с советскими руководителями в Москве стала важной вехой в процессе приспособления внешнеполитического курса США к европейским реальностям 70-х годов. В коммюнике об этой встрече была дана положительная оценка договоров ФРГ с СССР и ПНР с точки зрения укрепления мира и безопасности, в нем также впервые было зафиксировано согласие США на проведение совещания по европейской безопасности⁷⁰. Состоявшаяся сразу после переговоров сессия совета НАТО в Бонне высказалась за участие западноевропейских стран в многосторонних консультациях по подготовке совещания. Перспективы добрососедских отношений и сотрудничества в Европе стали намного яснее.

Поворот к реализму во внешней политике США — результат длительного и сложного периода переоценки ими своей прежней политики.

⁶⁸ «Stern», 21.IV.1972.

⁶⁹ «The New York Times», 2.V.1972.

⁷⁰ См. Е. Н. Новосельцев. Советско-американские переговоры в верхах и европейская безопасность. «США: экономика, политика, идеология», 1972, № 12.

Он отражает признание новой расстановки сил на международной арене и в Европе. Новый этап американско-советского взаимопонимания оказал воздействие на развитие международных отношений в целом. Он повлиял и на взаимоотношения США с их союзниками. Подключение Соединенных Штатов к процессу разрядки напряженности в Европе способствовало тому, что противоречия между США и ФРГ несколько потеряли ту степень остроты, которая была характерна для 1970—1971 годов.

Прошедший после встречи советских руководителей с Никсоном в Москве период показал, что тенденция к реализму во внешней политике США, новым выражением которого явился визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты, продолжала сочетаться со стремлением укрепить агрессивный военно-политический союз капиталистических стран — НАТО, противопоставить мирному наступлению Советского Союза новый уровень экономического и политического «единства» западноевропейских стран и США. Достижение этих целей в известной степени зависит и от состояния отношений США с их важнейшим союзником по НАТО — ФРГ. Развитие американско-советских отношений, в свою очередь, стало дополнительным стимулом для «новой восточной политики» ФРГ, оно подталкивает западногерманских политических деятелей к закреплению результатов этой политики в условиях общего ослабления международной напряженности. Но возможность расширения Западной Германией отношений с СССР и странами Восточной Европы способствует, по мнению американских противников разрядки международной напряженности, развитию тенденции к нейтрализму и даже антиамериканизму в политических кругах ФРГ.

Визит Л. И. Брежнева в ФРГ, заключение договора об основах отношений между ФРГ и ГДР, урегулирование отношений ФРГ с ЧССР, Болгарией и Венгрией свидетельствуют о том, что в определенном смысле «новая восточная политика» стала одним из принципов внешней политики, который ФРГ обязалась соблюдать и в будущем. Возможности использования Западной Германии в качестве основной ударной силы, откровенно направленной против СССР, которыми раньше располагали США, существенно сузились. Об этом говорит, в частности, отказ ФРГ, несмотря на нажим М. Лэйрда, выделить корабли «бундесмарине» для формирования в Средиземноморье постоянных военно-морских сил НАТО⁷¹.

Недовольство ФРГ и других европейских союзников США попытками Вашингтона контролировать их внешнеполитические инициативы в последнее время усугубляется нежеланием американских политиков считаться со своими партнерами в тех случаях, когда предпринимаются важные для них и для судеб мира решения. Реакция стран Западной Европы на действия США в ближневосточном конфликте осенью 1973 г. подтверждает этот факт. Об остроте комплекса разногласий самого широкого характера свидетельствуют и трудности, которые встретил выдвинутый США проект новой Атлантической хартии.

В то же время тот факт, что, несмотря на новые противоречия между капиталистическими странами, они вынуждены были признать необходимость мирного сосуществования, отражает торжество ленинских принципов внешней политики, правильность оценки Советским правительством перспектив развития международных отношений.

⁷¹ А. Е. Ефремов. США и НАТО: перед лицом реальностей. См. «США: экономика, политика, идеология», 1973, № 3, стр. 25.